

О ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ И ЖИВОТНЫХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯХ В РЕЛИГИЯХ ИНДИИ

В данной статье за основу берется посылка о том, что во многих религиях присутствуют ритуалы жертвоприношений животных и людей. Индийские религии не являются исключением. Здесь будет предпринята попытка проиллюстрировать исходную посылку, дав представление об этих ритуалах, почерпнутое как из некоторых классических индийских текстов, так и приводящееся различными исследователями индуистских традиций, посещавших службы в индусских храмах и беседовавших со служителями. В частности будут затронуты такие обряды как сати, панчамакара, пуруша медха и пр. Основное внимание, как понятно из вышеизложенного, будет уделяться человеческим жертвам. Некоторые из этих обрядов практиковались в глубокой древности, иные — продолжают существовать и в наши дни.

Огромный вклад в прояснение вопроса принадлежит Л. Воеводскому, опубликовавшему в 1874 г. работу «Каннибализм в греческих мифах», в одном из разделов которой уделено внимание существованию человеческих жертвоприношений в Индии и Иране. В данном труде исследователь оспаривает бытовавшее до него в антропологии мнение, что древнейшим жертвоприношением у индийцев и иранцев было приношение божественного напитка сомы (һаомы), исходившее из Вед, где указывалось на растительную пищу как древнейшую у людей и делавшее отсюда вывод, что древнейшие жертвоприношения также должны были быть растительного происхождения. В качестве аргументов в пользу существования у индийцев обычая принесения в жертву людей Воеводский приводит сказание о Сунахсепе, в разных вариантах фигурирующее в Белой Яджурведе, Рамаiane (I, 65,5 слл.) и комментариях к Ригведе — Айтарейа Брахмане (VII, 3, 1). В одном из вариантов сказания Индра похищает у царя Амбариши жертвенного быка, взамен которого жрец обязует того принести в жертву человека. Царь приобретает за сто тысяч коров у покаянника Ричихи сына его Сунахсепу, приводит его к Висвамитре, чтобы принести в жертву Индре. Висвамитре жалко Сунахсепу и он призывает уже своих сыновей, чтобы кто-то из них согласился быть принесенным в жертву взамен. Но встречает от них отказ, за что их прокликает и обрекает скитаться и питаться собачьим мясом.

Сунахсепу же наущает такой молитве Индре, в следствие которой тот получает не только освобождение от участи жертвы, но и долговую жизнь и славу. В Бхагавата-пуране (IX, 7, 6) приводится другой вариант этого сказания, согласно которому, царь Харикандра, не имеющий потомства, вымаливает у Варуны сына, обязуясь в последствии принести его в жертву. Рохита (так называли этого сына) вырос, узнал о своей участи, сбежал от отца (при содействии Индры) и поселяется в лесу на шесть лет, затем покупает у Аджигарты его сына Сунахсепу, после чего приводит его к заболевшему из-за несдержанного обета царю. Сунахсепу приносят в жертву, царь выздоравливает. В Айтарейе Брахмане концовка иная — ни один жрец не берется принести Сунахсепу в жертву. Тогда отец его сам решил его заколоть, но Сунахсепа взмолился и получил помилование от Варуны, а царь выздоровел. В Ригведе (I, 34, 11-13 и V, 2, 7) Сунахсепа также освобожден (отвязан от столба) Варуной. Хотя, в приведенных выше отрывках мы сталкиваемся с существенными противоречиями — по одним сведениям жертва приносится, по другим — отменяется —, налицо наличие представлений древних индийцев о человеческих жертвоприношениях. Имеется предположение о том, что мотив о чудесном спасении Сунахсепы и Рохиты продиктован последовавшей отменой человеческих жертв и внедрен в тексты в более позднее время [2, 229].

В другом месте комментариев к Ригведе Л. Воеводский, ссылаясь на Альбрехта Вебера, исследовавшего этот отрывок ранее в своей статье 1863 г. «О приношении людей в жертву у индийцев ведического времени» [6], обращает внимание на описание т. н. перехода жертвенной силы из человека в животное, призванное, предположительно, убрать жертвенную нагрузку с человека вообще и отражающее эволюцию жертвы в религиозных обрядах. Жертвенная сила переходит в этом фрагменте из человека в лошадь, из лошади в быка, далее — в овцу, козу, наконец — в жертвенный хлеб. Итак, если понять этот текст как отражение эволюции жертвы, то самой первой и ранее всего вышедшей из употребления жертвой и был человек, затем в жертву стали приноситься лошади и коровы — этому есть свидетельства у археологов, затем — овцы и козы и в позднейший период — растения и продукты растительного происхождения (хлеб из ячменя и риса). Другой исследователь — Макс Мюллер, на которого также ссылается Л. Воеводский, — находит схожий отрывок в Шатапатха-Брахмане (I 2, 3, 4, 6), где также говорится о том, что вначале боги брали в жертву человека (пуруша), затем они увидели, как жертвенная сила перешла из того в лошадь, — тогда они стали брать себе

в жертву лошадей. «Тогда она из лошади перешла в быка. И так дальше: жертвенная сила переходила из быка в овцу, из овцы — в козу, из козы — в землю. [Боги] Раскопали землю и нашли ее в виде рису и ячменя... Поэтому, сколько было силы в этих пяти животных, столько силы для того, кто это знает, хранится в состоящем из этого ячменя или рису жертвенном хлебе. Молотые зерна соответствуют волосам, подливаемая вода — коже, смешение — мясу, окрепший пирог — костям, намазывание жертвенным салом — мозгам» [2, 231].

Те же пять жертвенных животных употреблялись и при обряде агнисаянам (постройке жертвенного алтаря), описываемом в Шатапатха-брахмане, Катайане и других текстах Яджурведы — по одним версиям для этого обряда требуется убить всех перечисленных пять животных в том порядке, в каком они перечислены выше, головы их отрезаются, обмазываются маслом или салом или помещаются на поднос с молоком так, чтоб человеческая находилась в центре и закладываются в фундамент. В Катакаме вместо жертвенного убийства человека допускается покупка головы только что умершего человека [2, 232].

Бык и человек упомянуты в предании о жертвоприношении Ману, дающемся в разных вариантах в Шатапатха-Брахмане, Катакаме и Таиттирья Самхите. По первой версии у Ману был бык, убивавший голосом. К нему пришли жрецы из народов асура и ракша (иранцы?) и уговаривают принести быка в жертву. Однако убийственная сила голоса быка переходит голосу жены Ману, которую опять же уговаривают принести в жертву, после чего голос перешел в жертвенные сосуды. Другая версия сказания гласит о том, что изначально убивающий асуров звук был в жертвенных чашах Ману, которые разбились. Осколки чаш облизал бык из стада Ману и возобладав силой голоса. Асуры уговаривают принести в жертву быка, голос переходит жене Ману, жрецы асуров уговаривают принести в жертву жену, но ее освобождает Индра, убив асуров. Есть варианты этого предания, где жена Ману — Манави — действительно приносится в жертву, — то по требованию жрецов, то по велению самого Индры. Напрашивается сравнение быка Ману с Минотавром, пожиравших людей и требовавшим жертвоприношений людей. Но здесь делается акцент на том, что бык убивает врагов арийского народа. Вебера настораживает странная податливость Ману, его готовность идти на уговоры со стороны врагов по принесению жертв, и он (Вебер) предполагает, что в древнейших вариантах текстов, все же, жертв требовал Индра и отмечает, что почти у всех евразийских народов существуют предания о принесении родоначальником племени в жертву сына, до-

чери или жены по требованию какого-либо божества. Позднее жертвы в этих преданиях заменяются животными и/или роль требователя жертвы с божественной силы переносится на враждебную [2, 235].

В Махабхарате также упомянут обряд раджасуям — посвящение царя, требовавший, по-видимому, изначально человеческой жертвы, поскольку в эпизоде, о котором идет речь, Кришна упрекает царя Джарасандху в том, что тот плененных царей и князей приносит в жертву Рудре [2, 237]. Здесь можно говорить о противоречии в шиваистских и кришнаитских взглядов — бог кришнаитов, осуждает шиваитский обычай; в Бхагавад-гите (9, 26) он говорит, что в качестве жертвы приемлет только цветок, плод, воду.

Также в Махабхарате описывается ритуал ашвамедха — принесение коня в жертву, для которого приобретался специально старик из брахманского рода, которого во время обряда погружали по подбородок в чан и совершали над ним излияния из конской крови. Человек этот утопал [2, 237], [5, 165].

В Шанкхайне описывается торжество махакрата (во время зимнего солнцестояния), где предписывается жертвоприношение трех пар людей. В Катакам описывается также колдовской обряд, имеющий целью извести врага и предписывающий жертву одиннадцати животных, привязанных к одиннадцати жертвенным столбам. К двенадцатому же столбу привязывается человек (по смягченной версии двенадцатый столб обходится без жертвы, возле него произносится только имя врага).

Вебер также описывает обряд пурушамедха (пуруша — человек, медха — жертва), где человек приносится в жертву наряду с 627 животными. Человек этот должен быть высокородным и специально в течение года готовиться к этому жертвоприношению, не иметь пороков, изъянов, в момент жертвоприношений быть чистым, особым образом украшенным (как и лошадь в обряде ашвамедха). В текстах Белой Яджурведы представлены варианты обряда, где наряду с животными Праджапати приносит в жертву сто шестьдесят шесть (по другой версии — сто восемьдесят четыре) человек, однако там он, предостерегаемый голосом, не доводит дело до конца, заменив эту жертву салом. Вебер полагает, что число приносимых в жертву людей здесь утрировано именно с целью поразить читателя кровавостью жертвоприношения и отменить необходимость подобных жертв вообще. Воеводский замечает, что, видимо, в последствии реальные жертвоприношения были заменены формальными с последующим освобождением символических жертв [2, 238], [5, 158].

Там же рассказывается о десятидневном торжестве всеобщего жертвоприношения — саршамедха, — на четвертый день которого в жертву приносят лошадь, на пятый — человека.

Вебер приводит еще рассказы о жертвоприношениях людей в Индии VII в. до н. э. Приводимые легенды позволяют предположить о наличии у древних индусов обряда жертвоприношения животных, который претерпел изменения и заменил жертвы растительной пищей и золотыми фигурками-символами предполагаемых жертв. Причиной самих этих жертвоприношений Вебер видит каннибализм, а запрет на них продиктован отвращением каннибализма (в одном из приведенных преданий голос указывает Праджапати, что в случае принесения им в жертву людей, люди стали бы есть друг друга — жертву по окончании обряда съедали). Причиной, по которой люди приносились в жертву и предлагались богам в виде пищи Воеводский видит каннибализм и ни что иное [2, 242].

В тексте «Вишну-смрити» ставится вопрос о необходимости свершения обряда сати, суть которого состоит в том, что вдова умершего должна последовать за мужем, т. е. сжигаться на его погребальном костре.

Уцелевшие обряды жертвоприношений людей относятся преимущественно к поклонению шакти и относятся к вайшнавизму, скорее, опосредованно. Так Арджуна Тарадаса в своей работе «Тантрические направления в вайшнавизме» связывает поклонение Вишну с поклонением Кали, более того, ссылаясь на великих учителей, он говорит об их единстве, утверждает, что большинство вайшнавских школ считает поклонение Шри Кришне наиболее уместным для Кали-юги [4]. «Каликапурана называет Вишну «лучшим среди богов», а Каликула-сарвасва запрещает передавать мантру человеку, лишённому Хари-бхакти. Любопытно, что в Каливиласа-тантре. Кришна именуется сыном Кали и Владыкой над 6 ликами Шивы» [4].

Здесь же упомянут культ Джаганнатхи в Ориссе, где предписывается совершение панчамакары (5м) во время пуджи Вишну — для прихожан 5м — символическая, для священнослужителей, по заверению некоторых из них, этот обряд реально проводится в тайных подземельях. Содержание 5м состоит в предложении божеству вина, мяса, рыбы, жареных зерен, секса в виде ритуального соития, где партнерша символизирует шакти. В некоторых случаях соитие происходит на свежем трупе молодого мужчины [1].

Кроме того, 67-я глава Калика-пураны представляет собой подробные рекомендации по принесению жертвы (в том числе, человеческой) шакти, среди которых упомянуты Чандика, Бхайрава, Ветала, *Богиня Камакхья, Кали, Гухья Кали (Пещерная Кали или Тайная Кали), Кали Питха, Калика, Каларатри (7-я из 10 форм Дурги), Тара, Камакхья, Чхиннамаста, Махакалабхайрава* [5, 159].

Ссылаясь на описание в «Вайшнави-тантра-кальпе» (сам источник мною не найден), приносить жертву предписывают в шмашанах, которые традиционно разделены на три части — Бхайрава, Мундамала («гирлянда из черепов»), здесь приносится голова жертвы, этот отдел соответствует направлению юг, Херука — расположена на востоке, здесь подносится кровь

Жертвоприношение снабжено множеством рекомендаций. Так, если человеческое жертвоприношение совершается на шмашане в соответствии с предписаниями Агам, жертвователь не должен бросать свой взгляд на светильник жертвы (бали) [3].

Похоже, добровольцы жертвы для таких обрядов находятся, ибо после смерти им предписывается слияние с божеством. Текст Калика-Пураны гласит: «Когда приносимый в жертву человек так почитается, он превращается в Меня и покровительствующих божеств пространства, тогда Брахма и прочие боги входят в него. Он становится очищенным от греха, даже если он был грешником, кровь того очистившегося человека превращается немедленно в нектар бессмертия» [3].

Конечно, можно утверждать, что предписанные в приведенных текстах обряды символичны или направлены на пробуждение ума посредством шока. Но я склонна думать, что древние тексты конкретны, буквальны. Пугающий для нашей культуры обряд имеет свои смыслы. Один из этих смыслов, насколько я могу судить извне, — поддержание жизни и силы божества за счет жизненной энергии (веры?) верующих. Когда это необходимо, — посредством умерщвления и перехода энергии верующих к божеству. В той же Калика-пуране оговариваются, на какой срок будет удовлетворена богиня вследствие принесения в жертву того или иного животного или человека, какие знамения может послать через жертву и каких результатов можно достичь, принеся жертву.

Тот факт, что уцелевшие обряды жертвоприношения совершаются преимущественно женским ипостасям божеств наталкивает на мысль о материнской функции Земли, которая является и родительницей, и могилой для всего живого, о получении жизненной энергии растениями и животными не только от солнечного света, но и из продуктов разложе-

ния, в этой земле находящихся, из сравнения этой силы земли с силой женщины, способной родить человеческое существо, одновременно со страхом перед женщиной, на которую переносится способность земли не только родить, но и поглотить порожденное ею (утроба которой может стать могилой), который усугубляется страхом перед периодически кровотечениями, обычными у женщин. Мне кажется, что наряду с каннибализмом была еще причина принесения людей в жертву. И причина эта — в представлении о процессе умирания и последующего возрождения и стремлении влиять на этот процесс через женское начало.

Литература

1. Авалон А., Панъчататтва — Авалон А., Введение в Маханирвана тантру, М., 2002 — http://www.avatargroup.ru/Biblioteka/Artur_Avalon_-_Vvedenie_V_MAHANIRVANA-TANTRU.aspx.
2. Воеводский Л., Человеческие жертвоприношения у Индийцев -Воеводский Л., Каннибализм в греческих мифах. Опыт по истории развития нравственности, Спб., 1874, сс. 220 — 246.
3. Калика-пурана, глава 67 — Калика-пурана, пер. Игнатъева А. А., Калининград, 2006.
4. Федоров С. (Арджуна Тарадаса), Тантрические направления в вайшнавизме, 2001, — http://wiki.shayvam.org/index.php?title=Тантрические_направления_в_вайшнавизме
5. Asko Parpola, Human Sacrifice in India in Vedic Times and before // The Strange World of Human Sacrifice, Leuven, 2007, pp. 157 — 178
6. Albrecht Weber, Zur Kenntnis des vedischen Opferrituals., in den «Indischen Studien», X 10 (1868), S. 321-396.